

Бакеева Диана Анваровна

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РАЗНООБРАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ МИРА: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТАП

В статье анализируется культурологическое прочтение цвета в различных эпохах, в частности, на этапе мифологизма. Автор рассматривает цвет как социокультурный феномен и предпринимает попытку воссоздания механизма превращения цвета из магического знака в феномен культурологический или эстетический. Дается описание семантических значений цветовой символики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 30-33. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Таким образом, эгоистический подход к обретению личностной идентичности, построенный на отрицании значимости общего и группового, оборачивается самодовлением в границах собственной единичности как отдельности и обособленности. Подобный подход позволяет нигилистически преодолеть внешние формы отчуждения, освободиться из-под власти внешне положенных норм, ценностей и идеалов, всего того, что навязывает человеку определенные сущностные черты. Однако в подобном отрицании эгоист промахивается мимо себя, поскольку лишается ресурсов личностного роста и своеобразия. Тем самым открывается стихия внутренних детерминант – страстей и желаний. Поэтому стремление эгоиста оставаться собой, быть независимым парадоксальным образом приводит к новому рабству; стремление закрепить собственную неповторимость оборачивается потерей индивидуальности, растворением своего лица в общей массе потребителей, в которой люди единичны в своей чуждости друг другу, но объединены общими потребностями и стандартами их удовлетворения. В данном контексте эгоист не столько аморален по отношению к обществу, сколько безнравственен по отношению к себе, так как добровольно лишается существенной части себя самого. Поэтому поиск личностной идентичности, стремление обрести себя во всей полноте и самобытности связаны не только с преодолением форм социокультурного отчуждения, но и с поиском ресурсов и возможностей для личностного роста.

Список литературы

1. Камю А. Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
2. Мильдон В. И. Индивидуализм и эгоизм: введение в современную этику // Вопросы философии. 2008. № 6. С. 43-55.
3. Рябов П. В. Проблема личности в философии анархизма // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 47-56.
4. Свасьян К. А. О конце истории философии [Электронный ресурс] // Credo New: теоретический журнал. URL: <http://credonew.ru/content/view/507/30/> (дата обращения: 23.05.09).
5. Свасьян К. А. Prooemium // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 3-12.
6. Турбина А. А. Критическая реконструкция основных положений учения Макса Штирнера в работе «Единственный и его собственность»: теоретические аспекты индивидуального анархизма // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2011. № 1 (32). С. 341-350.
7. Хайдеггер М. Тезис Канта о бытии // Философия Канта и современность: сборник переводов. М., 1976. Ч. 2. 470 с.
8. Штирнер М. Единственный и его собственность [Электронный ресурс]. URL: <http://new-anarchy.narod.ru/shtimer.html> (дата обращения: 11.04.2010).

ETHNOCULTURAL IDENTITY PROBLEM: STRATEGY OF EGOISM

Ivan Aleksandrovich Apollonov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Kuban' State Technological University
obligo@yandex.ru

The author discusses the problem of ethnocultural identity in the context of globalization processes, by the example of M. Stirner and K. A. Svas'yan considers the prospects of identity egoistic strategy, and concludes that this strategy leads to personal growth horizon narrowing, man's depersonalization, and his individuality dissolution in mass consumption society.

Key words and phrases: ethnocultural identity; personal identity; norms and values; egoism; I.

УДК 130.2:82

В статье анализируется культурологическое прочтение цвета в различных эпохах, в частности, на этапе мифологизма. Автор рассматривает цвет как социокультурный феномен и предпринимает попытку воссоздания механизма превращения цвета из магического знака в феномен культурологический или эстетический. Дается описание семантических значений цветовой символики.

Ключевые слова и фразы: восприятие; культура; семантика цвета; символизм цвета; социокультурная информация; цвет; цветовая триада.

Диана Анваровна Бакеева

*Кафедра современной журналистики и общественного мнения
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
bakeeva.di@yandex.ru*

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В РАЗНООБРАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ МИРА: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТАП®

В данном исследовании автор обращается к культурной семантике цвета, которая формируется в человеческом обществе и определяется не столько природными, сколько социальными факторами. Автором

предпринята попытка описания механизма превращения цвета из магического знака в феномен культурологический или эстетический и отображения значений, которые придавали цвету представители различных культур, начиная с древности. Считается, что помимо архетипических представлений существуют некоторые признания, вызванные спецификой той или иной культуры, а также индивидуальные ассоциации каждого отдельного человека. И следует выяснить, какую роль играет культура в восприятии цветов, и насколько она изменяет их древнейшие значения.

Понятие цвета существует в каждой культуре, с ним связана важная социокультурная информация, накопленная этносом. Цвет – это одна из категорий познания мира, которая находится наравне с другими категориями, как пространство, время, движение, а также является одним из ключевых культурных концептов. У каждого народа с древнейших времен цвет являлся одним из средств осмысления мира. Он служил обозначением наиболее важного в природе и наиболее ценного в человеке. Будучи одной из древнейших категорий познания, цвета приобрели символическое значение. Наиболее органично цвет развивался и продолжает развиваться в народном искусстве, которое традиционно сохраняет связь цвета с формой, значением, мифологией, обрядами, магией или религией. Так, феномен цветовой культуры легче всего выявляется при сравнении наиболее традиционных областей художественного творчества разных народов или регионов, включающих цвет как неотъемлемую содержательную категорию художественной формы.

Природные ассоциации и контр-ассоциации, мифологическая, магическая и культовая семантика цвета, различные у разных народов и историко-культурных регионов, создавали более или менее устойчивую символику цвета, усваиваемую искусством, перерабатываемую им в художественный язык. Искусство, в свою очередь, развивало новую реальность цвета, вычлененного из природного мира цвета, обостренного, сопоставленного с другими цветами в различных отношениях. Различные историко-культурные ситуации находили место обоснованию цвета, связывали его с божественной ролью света. Зарубежный ученый Ф. Биррен, анализируя историю цвета, пытается установить связи цвета «фактически со всеми аспектами человеческой культуры, прошлой и настоящей» [8, р. 108]. Он различает, например, шесть эпох цветовой выразительности в архитектуре: «1 – Египет, Халдея, Индия, Китай. Цвет был символичен и говорил языком мистицизма, религии и культуры; 2 – Греция (Рим). Формализация старых традиций. Цвет прилагается к форме, композиции, контуру, хотя палитра не изменилась; 3 – Византия и ранняя готика. Цвет декоративен, применяется ради собственной красоты, эстетически, а не символически или формально; 4 – поздняя готика, Ренессанс, Реформация. Цвет уходит из экстерьера и лишается всех символических и эмоциональных целей; 5 – настоящее время. С одной стороны, огромные здания, которые отражают серую окоченелость прошлого, а с другой – торговые предприятия с живым применением цвета. Два чуждых друг другу направления существуют одновременно; 6 – будущее цвета – в его многофункциональности, в единстве цвета и формы» [9, р. 56].

Исследование истории цветовой культуры далеких по времени цивилизаций осложняется отсутствием достаточного количества достоверного материала. Российский искусствовед, живописец И. А. Азизян предлагает выделять несколько источников [1, с. 29]. Основные источники – памятники архитектуры, живописи, монументального и прикладного искусства – если и сохранились, то в большой степени утратили свой первоначальный цвет. Вторым по значению материалом служат живописные изображения (на стенах, утвари, тканях, коврах, миниатюрах). И третья группа источников – литературные произведения: упоминания о роли цвета в культуре прошлого в исторических, философских и сакральных документах, цветовые образы в памятниках поэзии и прозы.

Автор теории цветоведения Ленина Николаевна Миронова в истории классификации науки о цвете разграничивает два больших периода: «первый – с доисторических времен до XVI в. и второй – от XVII в. до наших дней» [3, с. 9], то есть понятие о цвете в Древнем мире (мифологический этап, примитивные культуры, Древний Восток, греко-римская античность), в Средние века (Ближний и Средний Восток, Западная Европа), эпохи Возрождения в Европе и дифференциация цветовых систем с XVII по XX вв.

Границы цветовой культуры фиксируют эпоху и географический ареал, в котором она существует. Здесь возникают ее центры, проявляясь и взаимопроникая, зарождаются цветовые каноны и цветовые традиции, которые потом распространяются далеко за пределы ареала. Факторы, влияющие на формирование и распространение цветовой культуры, можно разделить на три типа: 1. природно-климатические; 2. психологические; 3. историко-культурные.

Так как цвет всегда имел особое выразительное значение, его использование в искусстве и в других областях является не случайным. Многие цветовые ассоциации пришли к нам в жизнь еще из доисторической эпохи, преобразовавшись в световые символические системы. В разных культурах даже основные цвета часто наделяются разными смыслами, что значительно усложняет задачу цветового оформления рекламной продукции. Поэтому при продвижении товара в различные регионы земного шара, особенно при разработке упаковок, этикеток, приходится находить компромиссные решения, адекватно воспринимаемые потребителями и приемлемые для них в максимально широком геосоциальном пространстве. Первичные цветовые ассоциации были известны еще с мифологической фазы культурного развития.

В ранних культурах символика цвета возникла в недрах религиозно-мифологического мировоззрения; в те времена, когда человек «увидел» цвет и стал пользоваться краской, когда появились названия цветов и были замечены их свойства. Именно в доисторическую эпоху вырабатываются основные понятия человека о цвете. Как отмечает в своем диссертационном исследовании Л. А. Шалимова, «чувство цвета в культуре

столь же исторично, как и человеческая чувственность вообще» [7, с. 56]. Сменяющие друг друга культурные эпохи неизменно определяют цвет в качестве действенного символического маркера, надежного проводника невербальной коммуникации и культурных традиций. Начальный этап развития цветовой символики в культуре связан с ахроматичностью: свет (белый цвет) – тьма (черный). Первичность этой ахроматичной фазы цветообозначений отличал, в частности, Б. А. Фролов: «Развитие первобытной символики неизбежно требовало достаточного освещения. Этому способствовало и освоение огня. Поэтому в генезисе первобытной символики, как с точки зрения ее содержания, так и с точки зрения ее формообразования, первостепенное значение имели факторы, так или иначе связанные с представлением о свете (отличаемом от тьмы и противопоставляемом ей) для развития пространственных, количественных или иных обозначений» [6, с. 88]. Лингвистические исследования подтверждают тот факт, что в основе любой цветовой символики лежит противопоставление таких категорий как свет и тьма. Жизнь человека всегда регулировалась сменой дня и ночи: свет и день ассоциировались с активной деятельностью, теплом, жизнью, ночь и темнота – с пассивностью, холодом, смертью, опасностью. Из этого становится ясно, что универсальными для каждой культуры являются представления о положительном значении белого и светлых цветов спектра и негативном – черного и темных цветов спектра. Оппозиция *белый цвет – черный цвет* доказывает, что в большинстве культур – это первооснова.

Дальнейшее развитие цветовой символики связано с тем, что бинарная (двоичная) ахроматическая оппозиция *белый цвет – черный цвет* трансформируется в хроматическую оппозицию триединства. Это происходит путем включения в нее красного цвета. Большинство авторов, как отечественных, так и зарубежных, сходятся во мнении, что термин, используемый для красного цвета, стал первым в культурно-языковом освоении хроматического кода. Например, в красной краске человек узнавал кровь, огонь, тепло, солнце. Кровь всегда была красной, и всегда ее вид волновал людей, вызывал в них избыточное, по сравнению с нормой, эмоциональное напряжение. У австралийских аборигенов, например, существовал обычай натирать тело больного красной охрой, символизирующей кровь, тем самым его как бы одаривали жизненной силой [2, с. 210-211]. Красный цвет – это символ культуры вообще, он свидетельствует о включенности коллектива в формирование символического пространства и конструировании собственно культурных хроматических символов. Мифологические значения цвета архетипичны, они базируются на неизменных свойствах как природы, так и человека. Идея первичности в культуре триад получила широкое распространение благодаря трудам В. И. Тэрнера [5, с. 102-103]. В древних культурах многих народов различных регионов мира всегда особое значение придавалось трем основным цветам: белому, черному, красному. Они употребляются в мифологическом значении в виде знака и не символизируют что-либо, а являются чем-либо. Создавая вещи, покрывая их изображениями и знаками, человек не только изучает формы и явления природы, но и влияет на них: привлекает добрые силы, заклинает злые, вносит порядок в хаос мироздания. Как указывают Ю. В. Телепина, Л. С. Николаева, «символы, направляющие внимание индивида или группы на прошлое и связывающие их с ним, обычно нерациональны и эвокативны» [4, с. 191]. Они, как правило, занимают центральное положение в коллективных обрядах сообщества (как сакральных, так и секулярных). Цвета и краски всегда были очень важными магически-заклинательными средствами в обиходе первобытных людей. Цвет был, своего рода, словом – добрым или злым. Цвет выполнял важнейшую функцию – поддержание общения между человеком и его «богами» или духами, то есть цвет, как и слово, был вещью. «Цветовые мифы» (по определению Л. Н. Мироновой) обильнее всего «произрастают» в древних культурах, но не иссякают и по сей день, поскольку не иссякает в психике человека пралогическое и подсознательное начало, к тому же соединенное с инстинктом стадности (или коллективизма) [3].

Таким образом, как культурологические, так и хроматические представления о цвете связаны с возможностью их конкретизации в культурологии с помощью цвета как природного междисциплинарного средства моделирования открытых информационных систем. Этнографические данные свидетельствуют, что архаичные изолированные культуры в повседневной практике раннее всего осваивают именно красный цвет и применяют его повсеместно для окраски объектов материальной культуры, в обрядовой и культурной деятельности. Таким образом, символический смысл цветовой триады является принципиально схожим в различных культурах и исторически является следующим этапом развития цветового символизма.

Список литературы

1. Азизян И. А. Цвет – культура – цветовая культура // Техническая эстетика. 1981. № 9. С. 26-29.
2. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ, 1937. 518 с.
3. Миронова Л. Н. Цветоведение. Мн.: Выш. шк., 1984. 286 с.
4. Телепина Ю. В., Николаева Л. С. Типы и функции символов в культуре цивилизаций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. I. С. 190-192.
5. Тэрнер В. И. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
6. Фролов Б. А. Предыстория символа // Этнознаковые функции культуры. М., 1991. С. 86-128.
7. Шалимова Л. А. Феномен цвета в культуре рекламы: дисс. ... канд. филос. наук. Дедовск, 2007. 163 с.
8. Birren F. Light, Color, and Environment. N. Y.: Reinhold, 1968.
9. Birren F. New Horizons in Color. N. Y.: Reinhold, 1955.

COLOUR SYMBOLISM IN DIFFERENT WORLD CULTURES: MYTHOLOGICAL STAGE

Diana Anvarovna Bakeeva*Department of Modern Journalism and Public Opinion
Mordvinian State University named after N. P. Ogarev
bakeeva.di@yandex.ru*

The author analyzes the culturological interpretation of colour during different eras, particularly during mythological stage, considers colour as a social-cultural phenomenon, undertakes the attempt to recreate the mechanism of colour transformation from a magical sign to a culturological and aesthetical phenomenon, and presents the description of colour symbolism semantic meanings.

Key words and phrases: perception; culture; colour semantics; colour symbolism; social-cultural information; colour; colour triad.

УДК 347.79

В данной статье предложен авторский метод объектно-ориентированного контроля торгового мореплавания. Настоящий метод позволяет оценить правомерность осуществления принудительных действий, определяемых Советом Безопасности ООН в соответствии со ст. 41 Устава ООН, в отношении избранного объекта (судна, груза) на основании совокупности юридических фактов (статус судна и груза, цели осуществляемого судном предприятия, легитимность перевозимого груза), в зависимости от существующего либо устанавливаемого правового режима предполагаемых действий.

Ключевые слова и фразы: торговое мореплавание; контроль; морское судно; запрещённые предметы; функциональный иммунитет.

Владислав Геннадьевич Беляков, к.ю.н.*Военный учебно-научный центр ВМФ «Военно-морская академия им. Н. Г. Кузнецова»
navy1000@yandex.ru***МЕТОД ОБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО КОНТРОЛЯ ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ[©]**

Непосредственное осуществление действий, направленных на ограничение и контроль торгового мореплавания¹, прежде всего, обуславливает необходимость установления надлежащего объекта (предмета) указанных действий (судна и груза), т.е. установление объекта-правонарушителя, в отношении которого такие действия могут или должны быть осуществлены в рамках объёма правомочий уполномоченного субъекта таких действий.

Разработанный метод объектно-ориентированного контроля торгового мореплавания позволяет установить надлежащий объект (судно и груз), в отношении которого могут быть осуществлены установленные действия в рамках существующего правового режима, в зависимости от статуса судна и груза, цели осуществляемого судном предприятия, а также легитимности перевозимого груза.

Основу настоящего метода определяют положения теории функционального иммунитета. Теория функционального иммунитета исходит из того, что иммунитет за иностранным государством признается лишь в тех случаях, когда оно осуществляет суверенные функции, то есть действия *jure imperium*. Если же иностранное государство эксплуатирует торговый флот в рамках коммерческой деятельности, то есть совершает действия *jure gestionis*, то оно не пользуется иммунитетом [2, с. 216; 7, с. 70]. На концепции ограниченного иммунитета основывается регулирование соответствующих вопросов законодательством США, а также Великобритании [5]. Таким образом, функциональный суверенитет основан на идее деления функций государства на частные и публичные, а критерием деления выступает доктрина характера действий (коммерческий либо некоммерческий). Однако на основании проведённого исследования автором обосновано, что в ходе установления возможности осуществления действий в отношении объекта (судна или груза), направленных на ограничение и контроль торгового мореплавания в рамках ограничения иммунитета иностранного государства, согласно концепции функционального иммунитета при определении коммерческого характера деятельности его уполномоченных органов приоритетным критерием должна выступать именно цель такой деятельности, выступающая как мысленное отражение потребности субъекта сделки [1]. (Например, выполнение воинских морских перевозок будет являться выполнением публичных функций государства. В то же время характер деятельности такого судна, в частности, используемого на условиях договора морской перевозки, будет коммерческим). Кроме

[©] Беляков В. Г., 2012

¹ В рамках настоящего исследования «действия по ограничению и контролю торгового мореплавания» определяются как совокупность установленных источниками международного и национального права мероприятий (форм, методов, способов), осуществляемых управомоченными субъектами по недопущению морских перевозок отдельных категорий грузов и направленных на принуждение соблюдения государствами международно-правовых обязательств либо нарушения торгового мореплавания отдельных государств, а также предупреждения уголовно наказуемых деяний физических лиц, в зависимости от существующего правового режима и категории морского пространства.